

Хан Минчжу покидала Дворик Вутонов в слезах. На её лице читалась глубокая, горькая обида, а преданная служанка, следовавшая по пятам, едва скрывала тревогу, хотя и не смела нарушать приличий громкими расспросами.

Многие слуги в поместье герцога Хань успели заметить эту сцену, и каждый сделал свои выводы.

Едва добежав до персикового сада в глубине усадьбы и убедившись, что вокруг ни души, Минчжу резко остановилась. Маска скорби мгновенно слетела с её лица. От недавних слёз и растерянности не осталось и следа — взгляд сделался холодным и сосредоточенным. Служанка лишь молча замерла рядом, не проронив ни звука.

Девушка созерцала обнажённые, сбросившие листву деревья. На душе у неё было мрачно и горько — и из-за безвременной ушедшей матери, покинувшей этот мир в день её рождения, и из-за их с Хан Сиэнем незавидной доли в этом доме.

В те годы, что она провела в семье Ван, Старая госпожа Ван часто рассказывала ей о покойной матери. В воспоминаниях бабушки госпожа Ван представала кроткой, нежной женщиной, которая с трепетом и любовью ждала появления на свет своих детей. Однако старая госпожа Ван никогда не упоминала истинную причину её кончины. Стоило Минчжу завести об этом разговор, как старушка на мгновение застыла, глядя в никуда, а затем лишь беззвучно шевелила губами, вздыхая о немилосердной судьбе.

Девушка и сама догадывалась, что за смертью матери крылась какая-то тайна — не зря ведь бабушка так упорно настаивала на её переезде. Но любые домыслы меркли перед жестокой правдой.

Старая госпожа Ван скрывала от неё истину лишь потому, что помнила: Минчжу — законная дочь герцога Хан Чжо. Сколько бы лет она ни провела под опекой родни по материнской линии, рано или поздно Хань пришли бы за ней. Её замужество, её будущее — всё это по закону оставалось в руках отцовского клана. Не зная горькой правды, Минчжу могла держать чувства под контролем и не выдавать себя перед родителем. Хан Чжо в худшем случае питал бы к ней холодную неприязнь, но не стал бы строить против неё явных козней.

Конечно, семья Ван могла бы попытаться удержать её у себя, но это означало бы открытый разрыв с домом Хань. У Минчжу был живой отец, и закон стоял на его стороне — чужие люди не имели права распоряжаться её судьбой. К тому же у рода Ван подрастали собственные сыновья и внуки, а их тогдашнее влияние не позволяло столь открыто бросать вызов могущественному герцогскому дому.

При этой мысли у Минчжу действительно защемило в глазах. На сей раз слёзы были искренними. Ей до боли стало жаль брата, вынужденного все эти годы выживать в логове Хань. Перед мысленным взором встал образ престарелой бабушки Ван — некогда почтенной столичной матроны, в один миг потерявшей и дочь, и сына. Чтобы не навлечь на себя гнев императорского двора и уклониться от столкновения с набирающим силу домом Хань, семья

Ван была вынуждена спешно покинуть процветающую столицу. Они уехали на бесплодные, суровые окраины Сицзяна, где провели долгие десять лет.

Смахнув набежавшую слезу, Минчжу глубоко вздохнула.

«Что ж, теперь старая госпожа Хань, скорее всего, до конца своих дней останется прикованной к постели»

Хоть старуха и приходилась ей родной бабушкой, между ними никогда не было тепла. Старая госпожа Хань презирала её, а порой, глядя на её лицо, так похожее на лицо покойной матери, даже испытывала суеверный страх. Теперь всё это осталось в прошлом. Больше им не придётся утомлять друг друга взаимной неприязнью. От этой мысли на душе у Минчжу стало удивительно легко.

Позабыв обо всём, она прислушалась — позади послышался шорох шагов. Служанка негромко пискнула:

— Наследник!

Минчжу резко обернулась и увидела неспешно приближающегося Хан Сиэня. Окружённый мягким ореолом света, он шёл к ней так плавно, что у девушки на мгновение зарябило в глазах.

Юноша остановился в паре шагов и бросил бесстрастный взгляд на прислугу. Ань Цао и Инло, служанка Минчжу, послушно склонили головы и поспешили удалиться, оставив брата и сестру наедине. Когда шаги слуг затихли, Хан Сиэнь лениво подобрал с земли сухую ветку, покрутил её в пальцах и негромко произнёс:

— А ты, как я погляжу, довольна.

Девушка лишь тихонько кивнула в ответ.

Хан Сиэнь помолчал, а затем со вздохом заметил:

— Стоило ли молодой барышне пачкать собственные руки?

Лицо Минчжу мгновенно утратило краски. Сердце испуганно сжалось — она не представляла, откуда брату стало известно о её шалости, но и оправдываться было бесполезно. Не желая выглядеть жалкой, она опустила голову и едва слышно спросила:

— Брат считает меня жестокой?

— Вовсе нет, — отозвался Хан Сиэнь.

Сам он не раз переступал черту, лишая людей жизни, так с чего бы ему судить сестру за подобное? Вот только он полагал, что Минчжу не стоило действовать лично. Она — незамужняя девица, её месть не могла быть смертельной, зато риск выдать себя оставался слишком велик. Если бы внезапный недуг Старой госпожи Хань связали с ней, за Минчжу навек закрепилась бы слава коварной змеи. Даже если бы подозрения удалось рассеять, тень всё равно легла бы на её репутацию, сделав выгодное замужество несбыточной мечтой.

С Минчжу из Сицзяна прибыли верные люди старой госпожи Ван. По возвращении в столицу они вели себя тише воды, ниже травы, однако эти закалённые в пограничных стычках воины превосходно умели добывать сведения. Денег у девушки тоже хватало. Она щедро одаривала служанок якобы без всякого умысла, а те в благодарность болтали обо всех мелочах: кто сегодня несёт стражу у дверей Дворика Вутонов, когда меняются караулы, какие яства предпочитает старая госпожа Хань и жалуется ли она на боли в груди.

В последнее время Старая госпожа Хань так и сыпала ядом в адрес Хан Сиэня. Об их взаимной вражде судачило всё поместье, поэтому юноше путь в покои бабушки был заказан — случись со старухой хоть малейшая неприятность, все подозрения пали бы на него. Но Минчжу была вне подозрений. С самого возвращения в родные пенаты она разыгрывала роль почтительной внучки. Даже когда бабка освободила её от ежедневных визитов, Минчжу упрямо продолжала навещать её, принося лакомства, которые та особенно любила.

Старая госпожа Хань, разумеется, презирала девчонку и ни разу не прикоснулась к принесённым ею угощениям. Минчжу демонстративно съедала их сама. Однако пристрастие старухи к этим сладостям никуда не делось — повара усадьбы готовили их по тому же рецепту, благо все тонкости Минчжу выведала заранее. Со временем бабка стала получать любимые яства уже из рук собственной прислуги. Медленно, день за днём, яд подтачивал её здоровье, пока наконец не свалил с ног.

«Но разве Минчжу имеет к этому хоть какое-то отношение?»

Юноша лениво размышлял об этом, постукивая веткой по голенищу сапога. Она ведь просто баловала бабку вниманием.

— Я только что встретил посланника из дома Ван, — спокойно проговорил он. — Говорят, Старой госпоже Ван нездоровится, и она желает видеть тебя у себя. Ты давно у них не гостила. Отправляйся в дом Ван на пару недель, побудь с бабушкой.

Минчжу растерялась, но в её глазах тут же вспыхнул огонёк радости:

— Брат беспокоится обо мне? — И, не дав ему вставить ни слова, поспешно добавила более серьёзным тоном: — Брат, я знаю, что бабушка Ван скучает по мне. Но раз старая госпожа Хань сейчас в таком состоянии, мне, как любящей внучке, не пристало немедленно покидать поместье. Я уеду чуть позже и вымолю у бабушки Ван прощение за задержку.

Глядя на неё, Хан Сиэнь мысленно хмыкнул. Эта выросшая в провинции девчонка ориентировалась в законах загородных интриг куда лучше, чем он мог предположить. Убедившись, что сестра полностью держит ситуацию под контролем, он швырнул ветку в пожухлую траву.

— Раз ты всё понимаешь, тем лучше.

Он развернулся, собираясь уйти. Минчжу сделала шаг вперёд и тихонько окликнула его в спину:

— Не беспокойся, брат. Обещаю, без крайней нужды я больше не прибегну к подобным средствам.

Хан Сиэнь даже не замедлил шага, но на губах девушки заиграла редкая, тёплая улыбка.

Пусть она и не понимала, где допустила оплошность, позволившую Хан Сиэню раскрыть её замысел, сам факт того, что брат явился предупредить её, согревал душу. Они всё-таки были одной крови.

Однако радость быстро угасла, уступив место тревоге при мысли о строгом, властном лице Старой госпожи Ван. Сама Минчжу, конечно, к яду не прикасалась, чтобы не оставлять следов, но её люди выполнили всё без сучка и задоринки. Вот только эти воины едва ли стали бы скрывать содеянное от старой хозяйки. Столь коварный поступок шёл вразрез со всеми уроками добродетели, что преподавала ей бабушка Ван. В глазах Старой госпожи Ван вражда между Ван и Хань была делом старшего поколения — Минчжу следовало лишь подыскать достойного мужа и держаться в стороне.

И всё же Минчжу ни о чём не жалела. Она своими глазами видела, в каком аду приходилось выживать Хан Сиэню. Книжные поучения слишком сильно расходились с суровой действительностью.

«Теперь эта зловредная старуха онемела, да и половину тела у неё парализовало. Дежурить у её постели меня никто не заставит. Но если ей так хочется видеть моё лицо, я с радостью буду приходить и мозолить ей глаза. Всё равно никаких доказательств у неё нет»

Оставив сестру наедине с её мыслями, Хан Сиэнь направился напрямик во дворец. С семейством Хань его теперь связывали лишь общие стены усадьбы — они давно стали чужими людьми. Он теснил их шаг за шагом, вынуждая отступать, но загнанный в угол зверь опасен, и Хань в любой момент могли пойти на отчаянный шаг. Юноша понимал, что Минчжу уже вошла в брачный возраст и ей пора покинуть это змеиное гнездо. Поэтому, едва император призвал его к себе, Хан Сиэнь без лишних вступлений обратился с просьбой даровать его сестре высочайший брачный указ.

Государь был прекрасно осведомлён о дряхлении и дрязгах в доме герцога Хань, хотя о

причастности Минчжу к болезни бабки даже не догадывался — Хан Сиэнь вовремя позаботился о том, чтобы замести все следы. Император полагал, что старая карга просто вконец извела девчонку своими придирками, и рассерженный внук явился просить за сестру. Поначалу Его Величество хотел пожурить юношу — где это видано, чтобы при живом отце старший брат устраивал брак сестры? Однако, глядя на упрямое выражение лица Хан Сиэня, повелитель смягчился. В конце концов, эти двое были единственной кровью покойного Ван Ина. Император вздохнул:

— Недавно ты вскользь упоминал имя Цзи Юэ. Я велел разузнать о нём поподробнее. Что ж, этот юноша — вполне надёжный человек, ему можно доверить судьбу девицы.

Наследник князя Юна, Цзи Юэ, отличался честным нравом и острым умом. Вернувшись из Цзяннаня, он вёл себя на редкость скромно, стараясь не привлекать лишнего внимания столичной знати. Император невольно насупился. Он поймал себя на мысли, что проявляет к Хан Сиэню непозволительную мягкость: стоило тому один раз обмолвиться о каком-то юноше, как государь тут же отправил тайных слуг собирать подробные сведения. Ни один министр в Поднебесной не удостоивался подобного внимания! Заметив недовольный взгляд императора, Хан Сиэнь вежливо, хоть и с лёгким недоумением, склонил голову в знак благодарности.

У государя и без того хватало забот, поэтому он небрежно махнул рукой, отпуская просителя. Хан Сиэнь не заставил себя ждать и покинул дворец. Не успел он переступить порог родной усадьбы, как туда уже пожаловали императорские посланники с высочайшей волей. Император проявил изрядную щедрость, прислав в дом Хань сразу два указа. Первый объявлял о союзе Хан Минчжу и Цзи Юэ, второй определял участь Хан Цинсюэ и пятого принца Цзи Хуая. Свадьбу Цинсюэ государь назначил на март будущего года, а бракосочетание Минчжу и наследника князя Юна — на июнь. Но самым примечательным было иное: в указе касательно пятого принца упоминалось, что, поскольку Его Высочество Цзи Хуай уже достиг совершеннолетия, в его поместье надлежит предварительно войти двум наложницам в ранге боковых супругов. И одной из них государева воля назначила Хэ Юйчжу, гостившую в доме Хань.

Известия всколыхнули поместье, вызвав бурю самых противоречивых чувств. Тётушка Хан Сю едва не лишилась чувств от восторга — ради этого дня она терпела косые взгляды и унижения, отказываясь покинуть дом брата! Теперь её дочь пристроена, и Хан Сю искренне верила, что её молитвы наконец были услышаны богами. На фоне её безумного ликования сама Хэ Юйчжу оставалась на удивление хладнокровной. За время, проведённое у родственников, она успела сполна хлебнуть горькой обиды. Раньше её шпыняли за спесь, теперь же — просто угождая без пяти минут законной супруге принца, Хан Цинсюэ. Юйчжу давно научилась держать лицо.

Её брат, Хэ Фань, выслушал указ в каком-то оцепенении. После того как Хан Сиэнь жестоко проучил его за глупую выходку против Минчжу, парень притих и даже попытался взяться за ум, усевшись за книги. Разумеется, надолго этого ветреного бездельника не хватило. Прежде притязания матери казались ему вполне естественными, но сейчас, глядя на её сияющее от счастья лицо, он ощутил укол необъяснимой досады.

«Боковая супруга... Пусть в этом звании и звучит гордое слово „супруга“, на деле это всего лишь бесправная наложница. Обычный приукрашенный наложничий чин»

Тяжелее всех пришлось Хан Цинсюэ. Проводив евнухов, она нацепила любезную улыбку и крепко сжала ладони кузины:

— Кто бы мог подумать, сестрица, что судьба свяжет нас столь тесно и мы вместе войдём в чертоги пятого принца.

Хэ Юйчжу скромно опустила глаза и мягко ответила:

— Старшая сестра слишком добра ко мне.

От этого обращения «старшая сестра» у Цинсюэ внутри всё перевернулось от ярости, но она заставила себя сохранить улыбку, хоть та и сделалась натянутой, как струна.

Юйчжу должна была войти в дом Цзи Хуая на целых полгода раньше неё. Кто знает, как изменится нрав принца за это время и чьё влияние укрепитесь в его покоях до того, как главная жена переступит порог? Хан Цинсюэ мысленно выдохнула, напоминая себе, что законной супругой всё равно суждено стать именно ей.

Пока обитатели внутренних покоев наперебой обсуждали будущую жизнь Цинсюэ и Юйчжу в поместье пятого принца, о Минчжу почти позабыли. В глазах света поместье уездного князя Юна едва ли могло считаться завидным местом: сам князь славился как неисправимый гуляка, а его супруга держала весь дом в ежовых рукавицах.

Тем временем в поместье уездного князя Юна оглашение воли государя вызвало немалую бурю. Толстые щёки уездного князя мгновенно налились пунцовым цветом, и он уже порывался вскочить, чтобы высказать своё решительное несогласие. К счастью, княгиня Юн среагировала мгновенно: мёртвой хваткой вцепившись в локоть мужа, она удержала его на месте и заставила смиренно принять свиток. В отличие от раздосадованных родителей, сам молодой наследник Цзи Юэ едва сдерживал счастливую улыбку.

Едва за посланником закрылись ворота, разгневанный князь принялся расхаживать по зале, тыча пальцем в супругу:

— И зачем ты меня держала?! Разве ты не знаешь, что к этому Хан Сиэню даже приближаться опасно? Любой, кто перейдёт ему дорогу, отправляется либо в могилу, либо за решётку! Родство с ним — всё равно что жизнь с мечом у горла! Если тебе не дорога собственная голова, то мне моя очень даже нужна! Я немедленно еду во дворец и потребую у императора отменить указ!

Он говорил именно о Хан Сиэне, а не о доме Хань в целом — в его глазах один этот безумный юноша представлял куда большую угрозу, чем весь герцогский клан.

Княгиня невозмутимо сделала глоток чая и прохладно заметила:

— Что ж, ступай. Умрём мы от соседства с Хан Сиэнем или нет — вопрос спорный, но за отказ подчиниться воле государя с тебя точно снимут три шкуры, если не голову.

Князь побагровел от досады, сделал ещё пару кругов по комнате и со злостью плюхнулся в кресло.

Княгиня Юн не собиралась тратить время на уговоры супруга. Повернувшись к сыну, она с мягкой улыбкой произнесла:

— Подумать только, ведь я лично присутствовала на церемонии совершеннолетия этой девочки, Минчжу. Кто бы мог подумать, что судьба свяжет её с моим сыном.

Цзи Юэ слегка смутился и покраснел. Когда-то давно третий принц Цзи Ло намекал ему на подобный исход, и молодой человек втайне надеялся на это. Позже, сопровождая кузена с визитом в поместье маркиза Цзинго, он мельком видел Минчжу, навещавшую старую госпожу Ван, и девица пришлась ему по сердцу.

Но поскольку судьбой Минчжу распоряжался сам государь, княгиня просто не успела составить прошение, как указ уже был зачитан. Материнское сердце не обманешь — глядя на смущение сына, княгиня поняла, что тот доволен выбором. Она шутливо погрозила ему пальцем:

— Но помни, твой отец разразился гневом не без причины. Хан Сиэнь — человек непредсказуемый и скорый на расправу. Ты сам работал с ним и знаешь его крутой нрав. Стоит тебе обидеть его сестру, как её братец явится сюда с верными людьми и разнесёт наше поместье по брёвнышку.

При этих словах княгиня сама невольно нахмурилась. Минчжу ей искренне нравилась, но мысль о родстве с Хан Сиэнем заставляла сердце тревожно сжиматься. Случись между молодыми супругами размолвка — от этого безумца вполне можно было ожидать вооружённого налёта на усадьбу. Но высочайший указ был непреклонен, и оставалось лишь смириться.

Заметив тень беспокойства на лице жены, князь Юн недовольно хмыкнул. Он и сам уже поостыл, понимая, что попытаться он вернуть указ, безумный наследник рода Хань мог устроить такое, от чего содрогнулась бы вся столица. Весть о скором браке разнеслась по углам поместья, заставив притихнуть испуганных слуг.

Тем временем при дворе поползли неизбежные слухи. Придворные мудрецы принялись гадать, означает ли этот указ приближение пятого принца к трону или же за этим кроется хитроумная интрига, связанная с влиянием Добродетельной наложницы. Однако большинство всё же обсуждало союз Минчжу и наследника князя Юна. Особенно после того, как сам уездный князь во время весёлой пирушки в весёлом квартале спьяну пожаловался собутыльникам на

горькую судьбу. Мысль о том, что у почтенного семейства в скором времени появится столь опасный родственник, вызвала у столичной знати смесь злорадства и искреннего сочувствия.

После объявления помолвки в поместье Хань закипела работа. Одно дело — выдать дочь за наследника уездного князя, и совсем другое — породниться с императорской семьёй. Впрочем, Хэ Юйчжу покинула усадьбу первой, её скромно, без лишнего шума перевезли в поместье пятого принца под покровом сумерек. Подготовка к столь пышным торжествам требовала соблюдения множества древних ритуалов, что растягивало процесс на долгие месяцы. Свадьба Цинсюэ казалась поспешной, тогда как у Минчжу оставался приличный запас времени. Однако Хан Сиэня все эти предпраздничные хлопоты совершенно не трогали. После памятного разговора с государем он больше не показывался во дворец.

Год близился к концу, и чиновникам вскоре надлежало опечатать свои сундуки с бумагами. Однако празднование дня рождения государя приходилось на двадцать шестой день двенадцатого лунного месяца, поэтому дела откладывали до завершения торжеств, а государственные печати расчехляли лишь после Праздника фонарей. Министерство ритуалов готовило пышный приём, но погода не задалась: столицу завалило густым снегом, да и сам именинник пребывал в дурном расположении духа. Обменявшись с министрами парой дежурных фраз, император безучастно застыл на своём троне.

Гости сидели тише воды, ниже травы, и изысканные яства казались им безвкусными. Единственным, кто безмятежно наслаждался обедом, был Хан Сиэнь. Глядя на его отменный аппетит, император впервые за день улыбнулся и велел евнухам переставить на стол юноши несколько блюд со своего стола. Присутствующие чиновники едва не лопались от зависти: императорская милость обычно ограничивалась скромной порцией, да и удостоивались её лишь единицы. А этот наглец принимал дары как должное!

Однако стоило торжествам завершиться, как слабое здоровье Хан Сиэня дало о себе знать. Переохлаждение обернулось тяжёлым недугом. Болезнь протекала столь бурно, что юноша не смог подняться с постели даже в канун Нового года, пропустив все поминальные обряды и семейные подношения. Зная о его хрупком сложении, государь лично направил в поместье лекаря Чжоу, приказав тому не отходить от постели больного. Лишь когда зимние стужи отступили и приблизился срок свадьбы Хан Цинсюэ, юноша впервые смог покинуть покои Дворика Душистых Орхидей.

Едва встав на ноги, Хан Сиэнь направился во дворец, дабы выразить признательность Его Величеству. Глядя на его бледное лицо, император испытывал смешанные чувства. Лекарь Чжоу предупредил государя, что жизненные силы молодого человека истощены до предела — его угасающий дух поддерживали лишь редкие снадобья, и ещё одной подобной простуды хрупкое тело могло просто не перенести.